

не вызывает сомнений⁴. Например, в гл. 2. 6—8 сообщается, что русские покупают у печенегов быков, коней и овец, «ибо в России нет вышепоименованных животных». В комментарии к этому месту (стр. 13) мы находим лишь отсылку к книге М. В. Левченко, но не показано, насколько противоречит сообщение Константина данным археологии.

Рецензируемая работа содержит детальный комментарий к гл. 9 (стр. 20—61) — «русской главе» трактата. Автор (Оболенский), знакомый, кстати сказать, и с советской историографией, выступает с позиций умеренного норманиста, подчеркивая, что Киевское государство не было создано из ничего норманнами в IX в., что основания его были заложены славянами в предшествующий период, что «существовавшая ранее славянская землевладельческая аристократия и класс купцов» определили территориальную целостность и экономический подъем страны; но вместе с тем, по мысли Оболенского, именно скандинавы во второй половине IX в. объединили разрозненные племена восточных славян (стр. 23). Самый термин «Русь» автор связывает со скандинавским Севером (стр. 21), а «русские» названия порогов выводит из скандинавских языков (стр. 45—51) (отмечу попутно, что Моравчик принимает для седьмого порога название *Στροβόλον*, засвидетельствованное Парижской рукописью, а не «Струвун», которое Левченко считал славянским⁵). Спорный термин *παλιότα* Оболенский рассматривает как «обязанные данью», а не «союзники» (стр. 33). Термин *ἄρχων Ρωσίας* он считает официальным обозначением императорской канцелярии для киевского князя (стр. 29) — впрочем, на печатях этот термин прилагается и к другим русским князьям, например к Давиду Игоревичу Волынскому⁶.

Большой раздел комментария (стр. 156—180) посвящен армяно-грузинским главам. Автор (Рэнсимен) считает, что Константин опирался в этом разделе на армянские и грузинские источники и что его единственной крупной ошибкой была путаница в описании реки Аракса (стр. 159). Рэнсимен не ставит вопроса о политической тенденциозности этих глав⁷. Работы советских историков и археологов, посвященные средневековой Грузии и Армении, им не привлекаются. Точно так же следовало использовать работы советских исследователей при характеристике Алании (стр. 62), Саркела (стр. 154), Тмутаракани (стр. 156), Херсона (стр. 205—209).

А. К.

А. Я. СЫРКИН. ПОЭМА О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

Издательство «Наука». М., 1964, 237 стр.

А. Я. Сыркин занимается изучением «Дигениса Акрита» с 1956 г. Настоящая книга — итог его работы. Хотя в книге в той или иной степени затронуты все вопросы, связанные с византийским эпосом, ее основная цель — характеристика памятника как исторического источника.

Первый раздел — «Дигенис Акрит и его изучение» — носит вводный характер. Наряду с чисто информационным материалом (история открытия, пересказ содержания памятника), здесь содержится история изучения эпоса от первых о нем упоминаний в 70-х годах прошлого века до еще находящихся в печати статей. Обзор этот не может являться исчерпывающим — список работ о «Дигенисе» достиг внушительного объема, — но в нем проявилась одна из самых сильных сторон Сыркина-исследователя: его крайне осторожное, придирчивое отношение к концепциям своих предшественников.

Второй раздел («Отражение исторических событий в поэме») начинается характеристикой социально-политического и литературного окружения «Дигениса». Автор излагает взгляды советских ученых на социальную историю IX—X вв., старается обрисовать культурный фон эпохи, называет литературные параллели к «Дигенису». Этот по преимуществу компилятивный материал уместен в книге, хотя некоторые положения (например, о светских течениях и «антихристианской» школе в культуре) явно нуждаются в уточнении и аргументации.

⁴ М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси с первой половины X в. — ВВ. VI, 1953, стр. 14 и сл.; его же. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 182 и сл.

⁵ М. В. Левченко. Очерки..., стр. 209. Оболенскому еще не могла быть доступна работа советского ученого А. И. Толкачева «О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного». — «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 29—60.

⁶ A. V. Solovjev. "Ἀρχων Ρωσίας — Byz., 31, 1961, p. 240 sq.

⁷ См. об этом М. В. Левченко. Очерки..., стр. 187—191.

Основную часть раздела занимает первостепенный для изучения любого эпоса вопрос об историчности персонажей. А. Я. Сыркин, который вообще, как правило, избегает категорических суждений, занимает здесь среднюю позицию между *Identifizierungsransch* А. Грегуара и скептицизмом Д. Маврогордаго. Автор книги отвергает возможность идентификации самого Дигениса и в то же время признает основательность отождествления с историческими лицами ряда второстепенных героев. Впрочем, как совершенно справедливо считает А. Я. Сыркин, соответствие исторических и поэтических персонажей никогда не бывает полным и чаще всего ограничивается общностью отдельных ситуаций, в которых они действуют, их генеалогическими связями, а то и просто именами.

Специальная глава этого раздела посвящена очень важной сцене встречи Дигениса с императором. Попытки трактовать этот эпизод напоминают решение уравнения со многими неизвестными. В разных списках поэмы содержатся различные имена императоров — Василий и Ромап. Какие из этих версий отражают архетип? Какие из четырех Романов и двух Василиев имеются в виду в эпосе? Содержалась ли в греческом оригинале «Дегениева деяния» сцена битвы Дигениса с императором, отсутствующая в известных нам византийских версиях? Эти вопросы в первую очередь встают перед исследователем. Сыркин вполне основательно критикует категорические мнения других ученых, но сам фактически отказывается от всяких определенных утверждений. В данном случае это не только следствие сверхосторожности автора, но и результат явной недостаточности материала.

Отказываясь связать время создания «Дигениса Акрита» с периодом жизни того или иного императора, А. Я. Сыркин стремится датировать памятник с помощью анализа отдельных исторических реминисценций поэмы. Автор считает, что ее действие в большей мере современно событиям 30—60-х годов X в., а исторический фон памятника в целом охватывает около двух веков византийской истории от времени Феофила до эпохи Василия II. Такие хронологические рамки вероятны. Правда, и тут трудно удержаться от вопроса: не являются ли некоторые эпизоды, на которые опирается автор книги в своих датировках, остатком более древних версий или, наоборот, результатом поздних напластований? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выработать, видимо, какие-то филологические критерии для анализа поэмы. Но, как мы уже отмечали, Сыркина «Дигенис» интересует прежде всего как исторический источник.

Третий раздел книги — «Черты идейного содержания памятника». Здесь исследователю уже не приходится пробиваться сквозь дебри гипотез и чужих мнений — идейному содержанию «Дигениса» пока еще уделяли мало внимания в науке. «Отношение поэмы к императору и императорской власти, — пишет автор, — во многом соответствовало официальной правительственной идеологии». Далее, однако, А. Я. Сыркин говорит о преклонении перед императором как о «формальности» и доказывает, что истинное отношение к императору иное: в «Дигенисе» отразилась феодальная тенденция ограничить центральную власть. Это последнее положение доказывается ссылками на гордое и независимое поведение Дигениса по отношению к монарху, а также сравнением тех советов, которые дает самодержцу герой эпоса, с отношением к императорской власти в литературе того времени. Сразу же оговоримся: параллели с «Жизнеописанием Василия I», трудом Генесия и даже «Стратегиконом» Кекавмена не кажутся нам убедительными. Сам автор признает, что «восхваление в императоре справедливости, милосердия, призыв к соблюдению законов можно объяснить данью традиции». Прибавим, что такие требования к императору — не только традиция, но и отражение обычных представлений о всемогущественнейшем христианском монархе. Подобные представления нетрудно заметить и у авторов, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к провинциальной знати (например, Пселл, Анна Комнина и др.). Что же касается независимости и гордости Дигениса, то герой эпоса — в основе своей персонаж фольклорно-эпический, которому эти качества свойственны по природе.

Более убедительными представляются нам замечания Сыркина о том, что окруженный святой Дигенис представлен в эпосе в виде феодального властителя и что феодальная идеология произведения проявляется в неоднократном подчеркивании знатного происхождения героя.

Подробно анализируются в книге религиозные и этические воззрения авторов эпоса. А. Я. Сыркин пытается показать сложность и «многослойность» мировоззрения, отразившегося в поэме. «Дигенис Акрит» в полной мере отразил религиозную идеологию своей эпохи и в то же время совершенно лишен религиозного фанатизма. При всей ортодоксальности поэмы в ней нашли отражение языческие дохристианские верования. Эпическая гиперболизация образа Дигениса сочетается с психологическим реализмом и т. д.

Отказываясь признать историческую достоверность большинства действующих лиц, А. Я. Сыркин подчеркивает реальность бытового фона эпоса. Это дает ему возможность посвятить специальный раздел анализу сведений «Дигениса» о византийском быте, военном деле, материальной культуре и т. д.

Последний, пятый раздел книги озаглавлен «Фольклор и ученость в „Дигенисе Акрите“». Поддерживая гипотезу о происхождении «Дигениса» из народных песен, Сыркин приводит отрывочные свидетельства византийских авторов о народном песенном творчестве¹, сопоставляет отдельные мотивы эпоса с новогреческим фольклором и эпическими памятниками других народов, предполагает возможность параллельного развития устной и письменной традиции памятника и отмечает многочисленные устные реминисценции в эпосе. Раздел заканчивается краткой главой, содержащей отдельные наблюдения над языком и стилем произведения.

Появление книги А. Я. Сыркина — факт знаменательный. Это по сути дела первое монографическое исследование памятника в советской византистике послевоенных лет. Пусть оно не будет последним!

Я. Л.

N. G. SVORONOS. LA SYNOPSIS MAJOR DES BASILIQUES ET SES APPENDICES

Paris, 1964, VIII + 210 p.

Так называемый «Большой Синописис» представляет собой своего рода алфавитный указатель к «Василикам». Византийским юристам он, несомненно, облегчал пользование объемистой компиляцией римского права, составленной при Льве VI. Однако для историка, пожалуй, большее значение, нежели сам Синописис, представляют приложения к нему, где главное место принадлежит новеллам византийских императоров, в том числе аграрному законодательству Македонской династии.

Приложения к Синописису опубликованы старыми юристами (если не считать новелл Льва VI, критически изданных П. Ноайем и А. Дэнном) по случайным рукописям; подготовке нового издания должно предшествовать обследование рукописной традиции, обследование, кстати сказать, довольно сложное, поскольку Синописис пользовался большой популярностью: сохранилось не менее 15 рукописей XI—XII вв. и огромное количество более поздних. Такую попытку и предпринял Н. Г. Зворонос.

Изучив свыше 50 рукописей, ученый предложил классификацию их, выделив два основных типа приложений (он обозначил эти типы литерами *A* и *B*) и на основе этой классификации воссоздав историю «изданий» Синописиса [Зворонос считает, что мы вправе говорить именно об «изданиях», поскольку некоторые манускрипты по всем признакам происходят из одного скриптория и являются копиями с одного образца — например: Vatic. Palat. gr. 8, Vatic. gr. 854, Escor. R-II-11 (стр. 77; ср. стр. 189 и сл.)]. История эта представляется примерно в следующем виде.

Первое «издание» содержало Синописис без приложений. К нему восходят сравнительно поздние рукописи: Marc. gr. 176, завершенная в феврале 1351 г., и, по-видимому, Laur. Plut. LXXX 20 (стр. 66; ср. стр. 143 и сл.). К этому «изданию» были затем присоединены новелла Романа I от 934 г. и две новеллы Константина VII — эти три новеллы и составляли первоначальное ядро приложений, лежащее в основе обоих типов *A* и *B* (стр. 160). В дальнейшем развитие протекало по-разному. В одном случае к первоначальному ядру были прибавлены две новеллы — Романа II от 962 г. и Никифора Фоки от 964 г., что послужило исходным пунктом типа *A* (стр. 145). Поскольку новелла Никифора Фоки в надписании названа *véa νομοθεσία*, Зворонос заключает, что приложение из пяти новелл, обозначенное им *AI*, появилось вскоре после 964 г. (стр. 161).

Параллельно приложению *AI* на базе первоначального ядра возникло послужившее основой типа *B* приложение из восьми новелл — от Романа I до Никифора Фоки (помимо того, тип *B* включал эклогу новелл Льва VI и преамбулу к «Василикам», помещенные до Синописиса). Зворонос полагает, что приложение из восьми новелл было составлено не позднее 967 г., поскольку новелла 967 г. о династах еще не включена туда (стр. 159), — доказательство, пожалуй, недостаточно строгое. Восемь новелл были сгруппированы по содержанию: две новеллы о династах, две новеллы о стратиотских участках и т. д.

¹ Данные, приводимые автором, хотелось бы дополнить интересным свидетельством Михаила Пселла (Michel Psellos. Chronographie, I. Paris, 1926, p. 109. 11—13), который сообщает, что в 1042 г., после свержения с престола Михаила V и провозглашения императрицей Феодоры, «простой народ водил хороводы и воспевал случившиеся события, слагая из них самих песни». Видимо, речь идет здесь о так называемых «трагудиях» — песнях былинного типа, известных из новогреческого фольклора. Из слов Пселла следует, что исторические песни могли слагаться по свежим следам событий, исполнялись хором и, возможно, сопровождалась танцами.